

ПИСЬМО

русского путешественника из Варны^{*1}

Варна, 29 марта 1829 г.

Вам уже известно, что начальству Новороссийского края угодно было поручить мне обозрение некоторых мест, занятых нашими войсками на правой стороне Дуная, и что цель сего поручения есть разыскания о разных памятниках древности, скрывающихся между развалинами Мизии и классической Фракии⁵. Вы, без сомнения, подивитесь тому, что будучи столь безусловно чужд точных и основательных сведений о странах, в коих почти каждый шаг освящен каким-нибудь славным историческим событием, я принял на себя обязанность столь трудную, поручение столь мало сообразное с родом исключительных моих занятий;— но кому не известно, что жизнь наша может иногда находиться под влиянием обстоятельств столь странных, что человек рад часто сделаться не

* Сочинитель сего письма, В. Г. Тепляков, сам говорит в нем о цели своего путешествия. Отчет его о разных памятниках, открытых и приобретенных им в Болгарии и Румелии², напечатан был особым прибавлением к № 102 “Одесского вестника” прошлого года. Из сего отчета видим, что г. Тепляков открыл следующие памятники древности: 1) великолепные гебеджинские развалины; 2) большой анхимальский саркофаг; 3) 36 кусков мрамора с надписями и барельефами; 4) 89 медалей золотых, серебряных и бронзовых, из коих более 50-ти древние греческие; 5) две вазы, найденные в Сизополе³; 6) две небольшие статуи (бронзовый Амур и мраморный женский бюст), купленные в Анхiale⁴.— Сверх сего начерчена карта Фаросского залива и срисованы виды некоторых мест, кои г. Тепляков посещал в своем путешествии. Почти все исчисленные здесь остатки древностей (разумеется, кроме тех, коих нельзя было перевезти) приобретены г. Тепляковым для одесского музея; с других сняты им чертежи.

В письмах своих (адресованных к брату его А. Г.) г. Тепляков намерен подробнее рассказывать о своем путешествии и присовокупить к известиям об археологических своих поисках не менее любопытное описание обстоятельств, сопровождавших оные. Откровенный рассказ, живой слог, поэтический взгляд на предметы и веселое равнодушие в тех случаях, где судьба была неприветлива к сочинителю,— вот отличительный характер его писем, которые, без сомнения, понравятся читателям “Л. газеты”. Со временем мы надеемся приложить к №№ нашей газеты некоторые из чертежей и рисунков г. Теплякова.

только антикварием, но, для избежания худшего, готов даже участвовать в трудах знаменитой академии Лагадоской.

С другой стороны, скажите, кто бы на моем месте не был рад поотогреть *остылое* сердце у лучей золотого фракийского солнца? Кто бы не был рад, говорю я, погрузиться в поэтическое величие минувшего и в беседе с колоссальными его призраками забыть хотя на малое время прозу и мучительные мелочи настоящего? Так думал я — и вот странник ваш уже в столице древней греческой Ганзы.

Конечно, мне надлежало бы хотя мимоходом

79

посоветоваться с оракулами антиквариев: полистать предварительно Стравона⁶, и словом, схватить из древних летописей и географии хотя поверхностные черты, которые бы могли служить мне по крайней мере кратким *итинерером* в моем путешествии; но для сего потребны были книги и время. Первыми я не мог обогатиться в Одессе, а последнего имел в своем распоряжении только для необходимых дорожных приготовлений. Короче сказать, я пустился в археологическое странствие подобно какому-нибудь кавалерийскому офицеру, отправляющемуся за покупкой ремонта, следовательно, послания мои будут, к сожалению, напоминать вам гораздо чаще обо мне самом, нежели о странах, коих чудеса требуют наблюдателя более просвещенного.

Я выехал из Одессы 20-го сего месяца и в тот же день сел на венецианский бриг “La Perseveranza”, ожидавший только попутного ветра для отплытия в Варну; но погода была против нас как будто в заговоре: в продолжение целых двух суток постоянный штиль не позволял нам и думать о путешествии. Я чрезвычайно досадовал на это упорное безветрие; каждое утро выходил на палубу и, видя пред собою все еще роскошную Одессу⁷, мучил капитана беспрестанными расспросами о состоянии атмосферы: “Bonazza, non c’è vento” или “vento contrario”⁸ были единственные его ответы.

Наконец 23-го свежий северный ветер подул с берега, и мы снялись с якоря. Знаете ли, что первое чувство в минуту разлуки с отечеством есть, без всяких *романтических затей*, странное, неизъяснимое чувство. Сначала какая-то непонятная радость овладела моим сердцем: казалось, что оно ощутило внезапное наслаждение каким-то внутренним богатством в тот миг, когда натянутые паруса округлились и заколебавшийся корабль тронулся с места. Я расхаживал скорыми шагами по шканцам и громко декламировал: “Шуми, шуми, послушное ветрило!”⁹ и проч.

Но эта болтливая радость исчезла вместе с берегами моей отчизны. Подобно Ирвингу-Вашингтону¹⁰, мне казалось, что в это время я закрыл первый том моей жизни, со всем тем, что он заключал в себе.

Минувшее душе моей,
Как сон мудреный представлялось:

**То красным солнцем ей являлось,
То моря бурного темней...**

На другой день однообразный горизонт воды скрывал уже от меня Одессу, как непроницаемый туман, скрывающий от человека его будущность... Резкий северо-восточный ветер нес корабль с невероятною скоростью, и около следующего полудня песчаный берег Костенджи (древних Том)¹¹ мелькнул уже вдалеке передо мною.

Шекспир говорит, что покушение изобразить лилию есть истинное дурачество: не безрассудно ли бы и с моей стороны было искать слов для выражения тех чувств, которые волновали мою душу при виде сей дикой полосы земли, которая орошена слезами Овидия¹², освящена прахом бессмертного изгнанника? Клянусь (но вы и без клятвы поверите), что эти чувства были не вытверженные, не поддельные!

Вскоре Томы утонули предо мною в волнах Эвксинского Понта¹³, и к вечеру желтоватые берега Мангалии (древней Каллатии) были уже в глазах моих. Вам, может быть, известно, что Томы, основанные милезиянами в 634 году до Р. Х., и соседственная им Каллатия считаются некоторыми из ученых в числе федеральных городов древнего греческого пятисоюзия (ПЕНТАПОΛΕΤΩΣ), существовавшего на западном берегу Черного моря.

Но вот погода нахмурилась: усилившийся

ветер начал вскоре дышать совершенною бурей. Не страшитесь между тем описания оной: убаюканный клокочущею стихиею, я не мог приподнять головы с своей койки и видел только летающего из угла в угол капитана, слышал только плеск волны, перескакивающей через палубу. Темнота наступившей ночи принудила нас бросить якорь милях в 15-ти от Коварны, но в следующее утро густой туман, скрывавший от меня берега Болгарии, начинал уже рассеиваться. Я нетерпеливо желал видеть сию чуждую землю и любопытно смотрел, как вдалеке то букет зелени выказывался вдруг из-за матового облака, то каменный утес медленно сбрасывал с себя это зыбучее покрывало и драпировался его серебряною дымкой. Проглянуло солнце. Это солнце старинной Мизии! как теплы, как благодатны лучи его! как жива, как прозрачна лазурь сего поэтического неба!

“Это горы, теперь столь голые,— сказал мне капитан,— были до нынешней войны покрыты густыми фруктовыми садами; а эти огромные груды камней, которые мелькают вдалеке перед нами,— кто поверит, что они составляли цветущие селения, которые были столь еще недавно одушевлены их обитателями. Видите ли вы этот полукруглый, вдавшийся в море утес?— продолжал капитан,— он называется Капо-Калакриею. На вершине оного находятся развалины старой крепости с многочисленными памятниками венецианского владычества”.

Название Capo Calacria (мыс Калакрия)¹⁴ отзывается действительно Венециею:

а потому, если верить, что место сие в самом деле принадлежало сей могущественной республике, то должно полагать, что она основала на оном свое владычество по разделении областей Восточной империи между венецианами и французами в 1204 году, после взятия Константинополя крестоносцами, бегства Алексея Дуки (проименованного Мурзуфлем)¹⁵ и возведения на престол Восточной империи Балдуина, графа Фландрского¹⁶. Лебо¹⁷ и другие историки говорят, что вследствие сего раздела венециане взяли между прочим на свою часть почти все приморские места империи от восточных берегов Адриатического моря до берегов Эвксинского Понта; но если Калакрия находилась в числе сих приобретений, то из сего ясно видно, что Лев Св. Марка¹⁸ проник с этой стороны еще глубже в недра Восточной империи. Для ученых Калакрия несравненно любопытнее сего по остаткам древности, сохранившимся на вершине оной. Г. адмирал Грейг¹⁹ говорил мне, что он нашел там два куска мрамора с древними греческими надписями. Ни один из древних историков и географов не упоминает, сколько мне известно, о существовании какого-либо поселения на сем месте: следовательно, находка г. адмирала должна быть тем драгоценнее для ученого света.

“От Калакрии до Коварны,— продолжал капитан,— не более 9-ти миль; за нею Бальчик, и потом Варна”.— “Скорее

же, скорее в Варну!” — возразил я; но уснувший ветер едва двигал нас с места.

7-го мы уже слышали гул варнской заревой пушки и должны были снова бросить якорь милях в 8-ми от сей крепости. На другой день то же безветрие. Варна была уже в глазах наших и как будто смеялась над нашим бессилием приблизиться к ее пристани. Терпение мое наконец истощилось. Капитан намекнул мне о своем баркасе, и я, обрадованный сим предложением, просил в ту же минуту спустить оный. Через четверть часа восемь весел уже рассекало подо мною послушные волны.

После довольно долгого плавания мы вошли наконец в залив Варнский. Я с восхищением смотрел на берега, которые в этом месте необыкновенно прелестны. Дикие утесы и цветущая зелень, бегущие с гор фонтаны и это голубое, необозримое море составляют здесь очаровательную смесь природы романтической с нежною буколическою природою. Я выехал из ледяного царства зимы и через семь дней очутился в стране, обогащенной всеми дарами весны благодатной.

Часа через два амфитеатр белых, издали довольно красивых домиков, с красными черепичными кровлями и горизонтом зеленеющих позади гор, представился как прекрасная панорама глазам моим. Два или три минарета возвышались над массою строений. Издали мне все казалось так ново, пестро и разнообразно, что я почти не заметил, как, проплыв между рядами стоящих в гавани

купеческих судов, мы пристали наконец около 12-ти часов пополудни к северным воротам Варны. Наш двуглавый орел развевался уже предо мною над стенами покоренной крепости; русская пушка глядела уже на меня из своей амбразуры; русский часовой расхаживал по высокому парапету²⁰. Вступив в город, я с первого взгляда подумал, что перенесен в сказочный мир Шехеразады, в этот вечно занимательный Багдад, столицу могущественного халифата²¹. Правду сказать — ни один правоверный не встретился со мною, но чалмоносные болгары, армяне и греки, мелькавшие в темных и чрезвычайно тесных улицах, но пестреющие в открытых лавках азиатские товары, но эти смуглые лица, этот чуждый язык и одежда не разрушали очарования до встречи с первым русским солдатом. Я спросил его о квартире г-на генерала Г., и услужливый гренадер взялся быть проводником моим. После довольно долгого путешествия по тысяче перепутанных улиц и переулков он вошел наконец на тесный двор и, остановясь перед чистеньким деревянным домиком, сказал: “Вот квартира г. военначальствующего”. Генерал принял меня в небольшой, но довольно опрятной комнатке. Веселый вид и убранство оной могут в военное время и особенно в Турции назваться наслаждением истинно аристократическим. Узнав цель моего прибытия в Варну, генерал показал мне между прочим несколько медалей, собранных им в сей крепости. Большая часть оных принадлежит Риму и Восточной империи; медалей древней Греции я заметил весьма

немного. Между сими последними серебряные монеты Истрона²² попадались мне в наибольшем количестве. На мое замечание, что мы находимся в стране классической, генерал отвечал: “Правда; но война не наперсница археологии: вам, конечно, покажется странным, что эти драгоценные мраморы, которые могли существовать в турецкой Варне, употреблены уже, вероятно, вместе с другими камнями, на поправление нашей крепости. Что же касается до сокровищ нумизматических, то Варна была сначала довольно богата ими; но должно полагать, что все сии драгоценности

82

приобретены в то же время разными частными лицами. Вы к нам несколько поздно приехали”.

За всем тем трудно описать, с каким радушием почтеннейший генерал Г. принял меня. До приискания себе квартиры я остановился у г.г. его адъютантов, откуда и пишу сии строки. Но довольно. Чувствую, что

*Le secret d’ennuyer est celui de tout dire*²³,

и не взирая на сие, намерен, несколько поосмотревшись, сообщить вам о Варне все, что почту достойным вашего внимания. Прощайте.

В. Тепляков.

83